

УДК 94 (437)

И. Гонта

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И НАУЧНЫЕ ОЦЕНКИ РАЗДЕЛА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье анализируются мнения политиков, историков, а также рядовых граждан, интересующихся проблемой раздела Чехословацкой Республики. В частности отмечается, что разделение Чехословакии произошло без референдума и вопреки желаниям большинства граждан страны. Политическую ответственность за разделение Чехословакии несут победители парламентских выборов: в Чешской Республике – Гражданская демократическая партия и ее лидер Вацлав Клаус, в Словакии – Движение за демократическую Словакию, главой которого был и остается Владимир Мечиар. В заключении констатируется, что участники разделения Чехословакии еще активно занимаются политикой, а потому многие, особенно экономические факторы этого события до сих пор не известны.

События, произошедшие в бывшей Чехословацкой Социалистической Республике 17 ноября 1989 года и вошедшие в историю как Бархатная революция, не только означали крах социализма в данной стране, но и вызвали скорый распад бывшей Чехословакии.

Суверенная Чехословацкая Республика возникла после Первой мировой войны в результате падения Австро-Венгерской монархии 28 октября 1918 года. Это, безусловно, одно из важнейших событий не только чешской и словацкой, но и европейской новейшей истории. Создание республики, без сомнения, было обоюдовыгодно и чехам, и словакам. Чехословакия постепенно входила в круг развитых европейских государств. В течение своей 74-летней истории она достигла значительных успехов в области экономики, политики, культуры, спорта и особенно в социальной сфере. Поэтому и сейчас отдельные политики, деятели культуры да и рядовые граждане считают, что раздел Чехословакии был серьезной политической ошибкой. Однако следует признать, что большинство граждан обеих стран уже смирилось с разделением бывшего общего государства и нет никаких реальных политических сил, стремящихся его восстановить.

Политическая борьба между чехами и словаками за новое государственно-правовое устройство началась практически сразу после крушения социализма, когда избиралось новое название страны. Президент Вацлав Гавел, который 29 декабря 1989 года на инаугурации присягнул в верности Чехословацкой Социалистической Республике, уже 23 января 1990 года предложил исключить слово «социалистическая» из названия страны, то есть называть государство «Чехословацкая Республика». В ситуации растущего напряжения между чешскими и словацкими политиками федеральный парламент 29 марта 1990 года принял закон, провозглашающий, что чешским названием страны будет «Československá federatívna republika» (Чехословацкая Федеративная Республика), а словацким – «Česko-slovenská federatívna republika» (Чешско-Словацкая Федеративная Республика). То есть в каждой республике общего государства начало использоваться свое название: уступкой словакам было написание через дефис слова «Чешско-Словацкая». Однако этого было недостаточно. Началось политическое противостояние, вошедшее в историю как «дефисная война». В результате Федеральное собрание 20 апреля 1990 года вынуждено было утвердить новое название государства – Чешская и Словацкая Федеративная Республика (ЧСФР).

Проблемы государственно-правового регулирования обострились после июньских парламентских выборов 1992 года, когда в Чешской Республике победила правая

коалиция во главе с Гражданской демократической партией (ГДП), лидером которой был Вацлав Клаус; коалиция собрала около тридцати процентов голосов (29,73%). В Словакии еще более высокого результата достигло Движение за демократическую Словакию (ДДС) во главе с Владимиром Мечиаром, набравшее 37,26% голосов. Уже через две недели после выборов, 17 июня 1992 года, представители ДДС и ГДП пришли к заключению, что общее государство не имеет исторической перспективы. В этой связи Вацлав Клаус сложил с себя функции федерального премьера и было заключено соглашение, что федеральная власть сохраняет лишь временные полномочия. Только что избранный словацкий парламент (СНР) отреагировал на эту ситуацию Декларацией о суверенитете Словацкой Республики от 17 июля 1992 года, в которой провозглашалось: «Мы, демократически избранная Словацкая народная рада, торжественно заявляем, что тысячелетнее стремление словацкого народа к самобытности осуществилось. В данный исторический момент мы декларируем неотъемлемое право словацкого народа на самоопределение, как установлено всеми международными договорами о праве народов на самоопределение. Признавая право народов на самоопределение, заявляем, что мы также желаем свободно устанавливать способ и форму народной и государственной жизни, причем будем признавать права всех, каждого гражданина, народов, национальных меньшинств и этнических групп, демократические и гуманистические традиции Европы и мира. Настоящей декларацией Словацкая народная рада объявляет суверенитет Словацкой Республики как основу суверенного государства словацкого народа».

Реакция со стороны некоторых чешских политиков была немедленной. В тот же день президент страны Вацлав Гавел сложил полномочия, выполняя тем самым обещание, данное 25 июня 1992 года в федеральном парламенте: «Если будет решено, что федерация перестанет существовать, я не буду ее ликвидатором. Я всегда больше любил создавать, а не разрушать. В таком случае я готов предложить свои услуги там, где они понадобятся, где я смогу создавать что-то новое. Хотя бы новый тип чешско-словацких отношений и сотрудничества».

После отставки Вацлава Гавела события стали стремительно развиваться. Уже 26 августа 1992 года Владимир Мечиар и Вацлав Клаус на брненской вилле Тугендгат приняли окончательное решение о разделении Чехословакии, имея реальные полномочия как главы победивших на выборах партий. Подробности обсуждались без свидетелей. Символом раздела страны стали телевизионные кадры спорящих Владимира Мечиара и Вацлава Клауса под липой в саду. Делегации обеих республик терпеливо ждали внутри виллы. На этой встрече был установлен окончательный срок разделения страны – 1 января 1993 года, а также некоторые детали. «Мы долго спорили, кто кому должен платить. Наконец пришли к компромиссу, весьма разумному, как показало время, поскольку мы устранили все источники напряжения, непонимания и конфликтов. Мы создали таким образом благоприятные условия для хороших отношений между государствами», – утверждает Милан Княжко, бывший словацкий политик, непосредственный участник переговоров. Бывший глава федерального дипломатического корпуса Йиржи Денстбер считает, что большую роль в разделении Чехословакии сыграли личные амбиции обоих политиков: «В этом нет никаких сомнений. Оба они авторитарные личности, их раздражала необходимость компромиссов между федеральной и национальными властями. Мечиар и Клаус хотели иметь полную власть и не делиться ею с другой республикой и федерацией».

Таким образом, 26 августа 1992 года представители партий ДДС и ГДП на встрече в Брно окончательно определили схему разделения бывшей Чехословакии. Оно должно было произойти 31 декабря 1992 года. Уже 1 сентября 1992 года словацкий парламент принял Конституцию Словацкой Республики, хотя некоторые ее части вступили в действие только после распада старого государства. Несмотря на окончательное

решение о разделе, группа депутатов федерального парламента предприняла попытку остановить распад общего государства. 11 сентября 1992 года прошло внеочередное заседание Федерального собрания (ФС), на котором представители чешских и словацких оппозиционных партий потребовали провести референдум по поводу разделения ЧСФР. Первый некоммунистический председатель словацкого парламента после 1989 года, депутат федерального парламента Франтишек Миклошко тогда сказал: «Уважаемое Федеральное собрание, народы остаются, а политики уходят. Во время своих депутатских поездок по Словакии и Чехии я часто встречаю простых людей, которые просят нас остановить распад государства. Просят нас, чтобы мы и дальше обсуждали, искали компромиссное решение, которое удовлетворит обе стороны». Такое же мнение высказал представитель чехословацких социал-демократов, известный юрист, профессор университета Зденек Йичински: «Чехословацкие социал-демократы признают право народов на самоопределение и ничего не имеют против того, чтобы Словацкая Республика получила полную самостоятельность, не имеют ничего против того, чтобы чехословацкое государство разделилось, но с одним условием: что это будет связано с ясно выраженной волей граждан. Конституционным средством для этого является референдум. И, конечно, нам не следует принижать это средство, которое мы недавно ввели в нашу конституцию, разговорами о нестабильной политической ситуации, разговорами о небезопасности политической кампании, предшествующей референдуму, разговорами о том, что граждане недостаточно созрели, чтобы использовать это конституционное средство».

Радикально противоположное мнение на данном заседании Федерального собрания высказывали представители победивших на выборах политических партий. Федеральный премьер Ян Страски, выдвинутый чешской Гражданской демократической партией, в своем выступлении заявил: «Те, кто упорно настаивает на референдуме как единственном пути к решению о судьбе нашего государства и злоупотребляют для этого подчеркиванием права граждан высказаться по такому важному вопросу, не осознают или не хотят осознавать, какие это может иметь последствия. Но кампания по подготовке референдума и политическая неготовность воплотить результаты референдума, если они не будут соответствовать сегодняшнему направлению развития, опасно приблизят, с точки зрения властей, наше общество к югославскому варианту. Ухудшатся отношения между нашими народами, а значит, и исходные условия для их сосуществования в данном геополитическом пространстве».

В подобном духе против референдума высказался и председатель самой влиятельной чешской политической партии – Гражданской демократической партии – Вацлав Клаус: «Мы сегодня находимся в ситуации, когда даже некоторые оппозиционные партии созрели для понимания, что договориться с нынешним словацким руководством о сохранении разумной федерации невозможно. Разумеется, мы не пытаемся отрицать бесспорный факт, что и чешское, и словацкое общество по этому вопросу разделено. Если пройдет референдум о сохранении или распаде федерации, без сомнения, в Чехии масса людей выскажется за федерацию уже потому, что сентиментальное отношение к понятию Чехословакия мешает им принять во внимание то, чего хотят или не хотят словаки. Подобная проблема с ориентированием во всех хитросплетениях государственно-правовой проблематики существует и в Словакии, и нам хорошо известно, что многие люди одновременно хотят и общего государства, и самостоятельности Словакии. Мы сомневаемся, что, если бы в этой ситуации в референдуме победили сторонники сегодняшней формы общего государства, было бы возможным сохранение такого государства. Следствием могло бы быть только то, что федерация будет продолжать и дальше, но уже неконтролируемо и хаотически распадаться». После бурной дискуссии,

в которой сторонники референдума были в меньшинстве, Федеральное собрание отвергло референдум о разделении страны.

18 ноября 1992 года (символично, что это произошло через три года после Бархатной революции) началось, пожалуй, самое важное заседание федерального парламента в новейшей истории Чехословакии. На нем обсуждался практически один вопрос – принятие закона о прекращении существования Чешской и Словацкой Федеративной Республики. В начале заседания федеральный премьер Ян Страски предложил проект закона о разделении государства. Затем по предложению депутатов, которые желали скорейшего принятия закона без длительной дискуссии, было решено, что дискусионные выступления, за исключением председателей парламентских фракций, сокращаются на десять минут. Однако развернулась бурная дискуссия, которую, к разочарованию многих граждан тогдашней Чехословакии, не транслировало телевидение, хотя для предыдущих заседаний парламента трансляция была нормой. В дискуссии выступали преимущественно приверженцы общего государства, сторонники референдума. Среди них был федеральный депутат и будущий чешский премьер Милош Земан, который в своем выступлении сказал: «Хотелось бы напомнить тем депутатам, которые на похоронах Александра Дубчека присягали его заветам и обещали остаться ему верными: они должны осознать, что этот великий словак и великий европеец завещал сохранить наше общее государство. Хотелось бы также напомнить депутатам, особенно христианских политических партий, чтобы они учли обращение чешских и моравских епископов, опубликованное после выборов в этом году, в нем говорится, цитирую: «Судьбоносное решение о будущем Чехословакии не может быть в руках только лидеров политических партий, потому что превышает их полномочия. Они не могут взять больше прав, чем им было дано. Только граждане имеют право и обязанность прямо высказаться по поводу такого важного шага. Ведь речь идет об ответственности перед историей, которую граждане не могут позволить отобрать у себя».

Еще более радикально высказался депутат от Коммунистической партии Чехии и Моравии, ныне депутат Европейского парламента Милослав Рансдорф. Он заявил, что сторонники разделения страны отстаивают собственные экономические интересы, а потому чешские коммунисты принципиально против раздела. «Для меня и моих коллег распад чехословацкого государства является злом, и здесь неуместны компромиссы. Я руководствуюсь мыслью Т. Масарика, основателя нашего государства, что со злом не вступают в компромиссы, со злом не договариваются, со злом борются. После ноября 1989 года говорилось о том, что надо очистить политику, чтобы политика опять получила реноме, уважение в нашем обществе, чтобы не была опять грязным, сомнительным ремеслом, а сегодня мы свидетели того, что политика в сознании людей вернулась туда, где была до ноября 1989 года», – добавил Милослав Рансдорф. В этой связи следует сказать, что если чешские коммунисты были принципиально против разделения страны, то словацкие экс-коммунисты, которые с 1991 года выступали под названием Партия левых демократов, играли весьма неприглядную роль. С одной стороны, они поддерживали словацкую государственность тем, что в словацком парламенте голосовали за принятие Конституции Словацкой Республики, а с другой стороны, в федеральном парламенте были скорее сторонниками общего государства, поскольку требовали референдума, однако в заключительном голосовании некоторые из них отдали голоса за раздел страны. Это стало одной из причин возникновения новой Коммунистической партии Словакии, которая в своей программе однозначно высказалась за сохранение общего государства. Весьма радикально против распада Чехословакии в федеральном парламенте выступали и представители Республиканской партии, которые официально подали в генеральную прокуратуру заявление, обвинив главу федеральной власти Яна Страского в измене Родине. Однако механизм демонтажа общего государства был уже

запущен, и федеральный парламент 25 ноября 1992 года в 13 часов 21 минуту принял закон о прекращении существования Чешской и Словацкой Федеративной Республики. К удивлению многих, это произошло в одной из палат парламента – Народной палате – большинством всего в один голос.

После принятия закона 17 декабря 1992 года началось заключительное заседание Федерального собрания. Оно продолжалось три дня и, если не считать принятия законов, связанных с распадом чехословацкой федерации, имело торжественный характер. В дискуссии опять эмоционально выступил известный чешский политик Милош Земан, который заявил: «Я хотел бы констатировать, что депутаты Федерального собрания были избраны для того, чтобы представлять общие интересы чехов, словаков и других народностей, живущих на этой земле. Законом о прекращении существования федерации они нарушили свой долг. Поэтому я считаю несколько парадоксальным, что именно из партии, ставшей инициатором этого закона, доносятся голоса, которые – если говорить открыто – в действительности мотивированы прежде всего желанием сохранить места депутатов в Чешской или Словацкой народной раде. Уважаемые коллеги, мы, к сожалению, этим законом, нравится нам это или нет, де-факто сложили свои полномочия. Речь сейчас идет о гораздо более важном деле, чем судьба федеральных депутатов, речь идет о судьбе Чехословакии. Тогда давайте будем последовательны и постараемся, если уж мы не смогли разумно работать и не выполнили свой основной долг, по крайней мере разумно разойтись».

Несмотря на эти слова Милоша Земана, Федеральное собрание в последний день своей работы приняло такую декларацию: «Федеральное собрание констатирует, что приняло закон о прекращении существования Чешской и Словацкой Федеративной Республики и закон о разделении имущества федерации в интересах обеспечения политической стабильности и легитимности государств-правопреемников Чешской Республики и Словацкой Республики. Сохранение конституционных ценностей и традиций парламентской демократии требует, чтобы в Чешской Республике и Словацкой Республике в полной мере соблюдались эти законы. В противном случае будут обесценены результаты выборов 1992 года и наступит кризис легитимности, окажутся недействительными мандаты депутатов народных рад, наступит международно-правовое ослабление позиций обеих республик как государств-правопреемников. Мандаты депутатов, избранных в народные рады и Федеральное собрание Чешской и Словацкой Федеративной Республики, не отменяются с исчезновением Чешской и Словацкой Федеративной Республики. Поэтому важнейшая обязанность всех – стремиться к сохранению правовой стабильности в обеих республиках и избегать всего, что поставило бы под сомнение легитимность полномочий обеих республик на переговорах». Депутаты федерального парламента фактически решили, что они не утрачивают свои мандаты и могут дальше получать депутатские зарплаты, хотя государство, которому они присягали в верности, исчезло по их вине.

Последнее слово на последнем заседании федерального парламента принадлежало его председателю, впоследствии первому словацкому президенту Михалу Ковачу. Он в своем выступлении перед федеральными властями и иностранными дипломатами сказал: «Чешско-словацкое государство родилось как выражение чехословацкой взаимности, доведенной в рамках концепции единого чехословацкого народа до крайних границ и последствий с точки зрения положения словацкого народа. Из ведущих позиций чешского народа в этом государстве вытекало, что оно соответствовало прежде всего чешским интересам, что было прежде всего чешским национальным государством. Поэтому мы хорошо понимаем, что многие чехи прощаются с ним тяжело и с грустью, что некоторые из них воплощение мечты словаков о собственной государственности считают неблагодарностью, проявлением нелояльности к существующему госу-

дарству, государству, с которым они себя глубоко отождествляют. Но для словаков осуществляются мечты и надежды, за исполнение которых боролись целых два столетия словацкие революционеры, начиная со Штура, Гурбана и Годжа. Возможность сохранить национальную идентичность и создать свое демократическое и независимое государство появилась у словаков только после выборов 1992 года. Благодаря взаимопониманию победивших партий ГДП и ДДС, а главное – их представителей Вацлава Клауса и Владимира Мечиара, происходит исчезновение федерации и возникновение двух суверенных государств конституционным, демократическим и мирным путем, который приветствует не только демократическая Европа, но и весь мир. Этот путь может стать примером и для других многонациональных государств». В 13 часов 8 минут 17 декабря 1992 года окончательно завершилась работа федерального парламента. В последний раз в этом здании прозвучал чехословацкий государственный гимн.

1 января 1993 года на политической карте мира появились два суверенных государства – Чешская Республика и Словацкая Республика. Но, хотя прошло пятнадцать лет, этот вопрос остается в центре внимания не только политиков, историков, политологов, социологов, но и рядовых граждан сегодня уже двух самостоятельных республик. Известный словацкий историк Душан Ковач в одной из работ, посвященных этой проблеме, говорит: «Если изучить словацкую литературу о возникновении СР, то следует признать, что нет серьезного специального труда, который рассказывал бы о «возникновении». Ясно, что Словацкая Республика возникла, но, скорее, как следствие или «побочный продукт» распада федерации. Различные деятели, политики, которые принимали решение о разделе федерации, приводили аргумент, что распад «неизбежен», что государство должно разделиться потому, что «нет способа его далее сохранять». То есть речь идет не о возникновении чего-то желательного, а о распаде как неизбежности». Душан Ковач также отверг существующий только за границей миф о демократическом разделении: «Мировые СМИ распространили и другой миф – миф о демократическом распаде чешско-словацкой федерации. Действительно, чехи и словаки разошлись цивилизованно и без крови. Однако это еще не означает, что все произошло демократически. Опросы общественного мнения ясно показывали, что большинство граждан по обеим сторонам реки Моравы желало сохранить общее государство. Остается фактом, что чешско-словацкая федерация как одна из посткоммунистических стран распалась без участия граждан – без референдума».

Словацкий социолог Владимир Кривы в одном из своих интервью словацким СМИ сказал: «Обе партии не могли договориться, как «вести» общее государство. Большинство словацких и чешских представлений об экономических преобразованиях не совпадало, левые позиции словаков не согласовывались с чешскими правыми взглядами. Признаем исторический факт, что с момента создания Чехословакии периодически возникали критические ситуации словацко-чешской напряженности. Мы тоже не считаем раздел неизбежным, но он не был внезапным и, по крайней мере, его было трудно предотвратить».

Похожее мнение о разделении Чехословакии высказал по случаю десятой годовщины этого события известный в прошлом чешский политик и экономист Вальтер Комарек: «Историю нельзя повернуть вспять, и самостоятельное существование ЧР и СР вполне соответствует современным тенденциям международного развития. Если оценивать этот факт спустя время, как важное историческое событие в конкретных внутривнутриполитических и международных условиях, и если избегать пафосного клише «история нас рассудит», мы можем скромно и конкретно констатировать: это было прогрессивное событие, выгодное для обоих народов».

Разделение Чехословакии на два государства пятнадцать лет назад до сих пор считается «бархатным, мирным и дружеским». В Бельгии даже изучают это событие

как возможный сценарий развития собственной страны. Именно поэтому одна из крупнейших фламандских телевизионных компаний «Canvas» попросила дать эксклюзивное интервью человека, который лично участвовал в процессе мирного разделения общего государства чехов и словаков и возникновения суверенной Словакии – Владимира Мечиара. В Словакии справедливо считается, что ему принадлежит главная заслуга в возникновении самостоятельной республики. Владимир Мечиар не дал журналистам прямого ответа на вопрос, нужно ли Бельгии разделяться: «Ответ на этот вопрос должны дать фламандцы и валлоны. У нас с Бельгией очень хорошие отношения, и я помню, как ко мне пришел бельгийский посол вскоре после возникновения суверенной Словакии и, кроме слов поддержки и поздравлений с мирным разрешением, сказал, что мы запустили в Европу вирус – вирус бесконфликтного обретения суверенитета».

Другая прямая участница раздела Чехословакии, бывший депутат федерального парламента от Партии левых демократов Маргита Адамчикова в газете «Korzar» так вспоминает об этих событиях: «Я уверена, что, если бы не было раздела, Словакия как часть федерации могла бы быть не только с хозяйственной точки зрения, но и вообще в гораздо более выгодном положении, чем сейчас. Иностранные инвестиции были бы в несколько раз больше, а уровень безработицы, конечно, ниже. Но, к сожалению, интересы В. Мечиара и В. Клауса, а также некоторых других политиков не совпадали с тем, чего хотели наши граждане...».

А граждане, согласно опросам, опубликованным в чешской интернет-газете «Britské listy», высказывались за сохранение Чехословакии. Исследования 1990 и 1991 годов показывали в целом удовлетворенность общим государством. По результатам опроса 1990 годов, только 5,3% чехов видело свое будущее в самостоятельной республике, такое же мнение в Словакии высказывало 9,6% словаков. Год спустя, в 1991 году количество сторонников самостоятельности в Чехии составляло 6%, а в Словакии 11%. Результаты опросов этого периода явно противоречат утверждению, что большинство словаков всегда хотело самостоятельности. Наконец, в марте 1993 года, то есть уже в период существования двух отдельных государств, согласно проведенному тогда опросу, только 29% граждан Словакии заявило, что в случае проведения референдума они голосовали бы за суверенитет Словацкой Республики. Против разделения Чехословакии было 50% граждан Словакии, 13% не хотели участвовать в референдуме, а 8% не знали, что ответить.

Против референдума и сейчас, через пятнадцать лет после раздела Чехословакии, высказался бывший последний председатель федерального парламента и первый словацкий президент Михал Ковач, который в словацкой газете «SME» заявил, что референдум был не нужен, поскольку его не было при возникновении Чехословакии. Далее дословно сказал: «Требования народа всегда исходят от интеллигенции, а не от рядовых граждан. Они в разной степени готовы или не готовы что-либо поддержать. Но интеллигенция должна была понять, что каждый народ имеет право на самоопределение, в том числе это право имеют и словаки».

Нынешний словацкий президент Иван Гашпарович в интервью чешским СМИ на вопрос, не было ли разделение Чехословакии большой ошибкой господина Клауса и господина Мечиара, сказал: «Я вообще не считаю, что это была ошибка. Я скорее думаю, что это разделение нас сблизило, хотя это может выглядеть парадоксально. Но те моменты, которые в прошлом вызывали напряжение, скажу откровенно, когда решалось, кто кому доплачивает, так этого теперь нет. Мы каждый при своем, вместе соревнуемся и помогаем друг другу, это, я думаю, хорошо».

Совсем иные мнения высказывают люди, которые не занимаются политикой. Известная словацкая спортсменка, серебряная олимпийская медалистка, чемпионка Европы и мира в плавании Мартина Моравцова по поводу разделения Чехословакии ска-

зала: «Мне тогда было семнадцать лет, и все это мне казалось странным, даже нереальным. Зачем мы разделились? Было ли это решение неизбежным? – спрашивала я себя. И сейчас не знаю ясного ответа на этот вопрос. Нас, обычных граждан, тогда никто не спрашивал. Мы все должны были принять разделение как факт. В то время, как Западная Европа начала объединяться, ее восточная часть выбрала противоположное направление. Я думаю, что оба наших народа были бы заметнее и влиятельнее под названием Чехословакия, а не как две самостоятельные республики».

Не менее интересна оценка распада Чехословакии, данная сотрудником Института политических наук Словацкой академии наук Петром Динушом, который в своей недавней работе, посвященной событиям 17 ноября 1989 года, написал: «Первым важным последствием ноябрьского переворота было исчезновение общего чехословацкого государства. Через два года после смены режима произошел распад уважаемой в мире республики. Страны Восточной Европы стали жертвами иностранных монополий, их собственное промышленное производство упало до минимума. Большая часть предприятий, производящих в бывшей Чехословакии широкий ассортимент товаров, прежде всего машиностроения, и обеспечивающих ими внутренний и зарубежные рынки, постепенно обанкротилась, другие поглотил иностранный капитал, который производит товары под маркой собственной фирмы, ограничивает или прекращает их производство из конкурентных соображений. Традиционно высокая производительность наших предприятий осталась в прошлом. Внешняя политика республик Восточной Европы явно проамериканская. Эти государства лояльны по отношению к Соединенным Штатам Америки, как и к Европейскому Союзу. Словакия, которая относится в данной части европейского континента к наименьшим сателлитам США, поэтому наиболее уязвима».

Распад Чехословакии по многим причинам до сих пор подробно анализируется и комментируется. Поэтому сейчас, в пятнадцатую годовщину возникновения самостоятельных Чешской и Словацкой республик, следует вспомнить слова словацкого историка Душана Ковача, который к десятой годовщине создания суверенной Словакии написал: «Общественные науки должны были бы непредвзято заняться этой темой, подвергнуть ее глубокому анализу, не оставаясь только на поверхности, а выявляя корни социальных процессов, определить конкретные интересы конкретных групп людей. Потому что описание этого распада все дальше опасно сдвигается в область мифов».

Добавим только, что речь должна идти не только об определении политических и государственно-правовых интересов конкретных политических партий, которые были тогда у власти, но и о тщательном анализе их конкретных экономических интересов, поскольку, по мнению некоторых политиков и историков, именно эти интересы привели к разделению бывшей Чехословакии. Очевидно, что, пока у власти в обеих республиках находятся прямые участники разделения Чехословакии, мы не скоро дождемся ответа на эти вопросы.

Gopta I. The Division of Czechs Republic: Reflection on the Occasion of the 15th Anniversary

The opinions of politicians, historians as well as common people who are interested in the problem of the division of Czechs Republic are analyzed in the article. It is pointed out in particular, that the division of Czechoslovakia happened without a referendum and despite the desire of the majority of the people in the country. The winners of Parliament election are politically responsible for the division of Czechoslovakia: in Czechs Republic-the Civil democratic party and its leader Vatslav Klaus, In Slovakia- the Movement for democratic Slovakia, the leader of which was and is Vladimir Mechiar. In conclusion the author emphasizes that the participants of Czechoslovakia's division are still active politicians and that's why a lot of factors of this event especially economic have been unknown so far.